

предполагающая прежде всего хотя бы начальное усвоение греческой философии, сама была чем-то другим и гораздо большим.

Первое, что принадлежит только ей в собственном смысле и что многие стремятся не столько оспорить, сколько упрекнуть за него средневековье, — это формирование схоластики, самой совершенной разновидностью которой является томизм. Начиная с истоков патристики и до конца XIV столетия история христианской мысли — это история непрерывных усилий показать согласие естественного разума и веры там, где оно существует, и добиться его там, где оно отсутствует. Вера и разум — две темы, на которых будет строиться вся история средневековой мысли, — были даны изначально и без возражений принимались всеми средневековыми философами от Скота Эриугены до св. Фомы. С самого начала догмат устанавливался как факт, и разум вставал перед ним как сила, с которой ему придется считаться. Под разумом понималась тогда только аристотелевская диалектика в той ее части, которая была обнаружена, а порой даже просто грамматика, ибо попытка Скота Эриугены породила больше противников метафизического умозрения спекуляции, чем его подражателей. Только два решения считались тогда возможными: или радикальное разделение, или полное слияние этих двух способов познания и тех знаний, которыми мы им обязаны. Либо нужно держаться Откровения, и тогда ничто не обязывает нас искать чего-то другого, ибо важно только спасение, а Откровение содержит все необходимое для него, — либо нужно допустить, что две сферы познания накладываются одна на другую и всегда можно в конечном счете прийти к

пониманию того, во что веруешь. В самом деле и вопреки упорству направления, постоянно враждебного философии, именно второе решение, как казалось, все более увлекало мыслителей по мере приближения XIII века. У св. Ансельма, так же как у Абеляра, доверие к эффективности и благотворности рационального исследования проявляется без всяких ограничений; они не обнаруживают никакого несоответствия, но, напротив, видят только преимущества в том, чтобы позволить разуму глубоко вникать во все тайны веры и обосновывать их. И только в начале XIII века начали понимать, что разум проявляет себя как нечто большее, чем просто абстрактный метод, — с тех пор, как арабский аристотелизм обнаружил существенную способность давать мировоззрение, не совместимое с верой, и указал на проблему соотношения веры и разума во всей ее сложности. С того времени стало трудно и даже не очень желательно приносить разум в жертву вере, но столь же невозможно было считать их соразмерными; ясно, что разум, предоставленный самому себе, не придет никуда, кроме как к догмату, или по крайней мере не уйдет слишком далеко. Итак, для людей XIII века аристотелизм имел ценность решающего эксперимента; но если оказалось невозможным ни изолировать разум от веры, ни смешивать их, то нужно было их различать и согласовать одно с другим — согласовать разум и веру. Из подобных усилий родились великие схоластические синтезы.

На первый взгляд кажется, что схоластическая философия несет ответственность за длительное подчинение разума задаче, которая не является его задачей. По крайней мере, внешне ограниченный рационализм Альберта Великого или св. Фомы является отступлением от более наивной, но более откровенной позиции предшествующих веков. Однако будем осторожны, так как это только «внешне». Если св. Ансельм и Петр Абеляр не привнесли никаких ограничений в использование слова «разум», то это произошло не столько из-за глубокого осозна-